

- *духовное бытие* ● *внутренний мир человека*
- *нравственность* ● *дух, личность*

Индивидуальность как способ духовного бытия человека

Виктор Иванович Слободчиков,
член-корреспондент РАО, профессор,
доктор психологических наук

С психологической точки зрения индивидуальность человека — явление многогранное. Для его описания используют определённый ряд терминов, каждый из которых подчёркивает специфическую особенность индивидуальности.

Любая индивидуальность выступает, прежде всего, как нечто *единичное*. Но она несводима к единичности. Единичность указывает лишь на факт существования индивидуальности, на её наличность, но качественная определённость индивидуального бытия здесь отсутствует. Поэтому определение индивидуальности через единичность является формальной характеристикой, не связанной с её подлинным содержанием.

Индивидуальность характеризуется и *неповторимостью*, которая обуславливает её собственное «лицо». Но сама по себе неповторимость, как и единичность, не является сущностным свойством индивидуальности. Индивидуальность не возникает прямо из различий индивидов, не тождественна своеобразию личности.

Гегель отмечал, что представление об индивидуальности как о неповторимости является формальным и оказывается за пределами науки. Он писал, что отдельные души, конечно же, отличаются друг от друга бесконечным множеством случайных модификаций. Но эта бесконечность представляет собой род дурной бесконечности. Своеобразие человека, не следует поэтому придавать чрезмерно большого значения. Указания на единичность и неповторимость человека выделяют лишь частные и внешние особенности индивидуальности.

Сущность индивидуальности связана с целостным представлением о человеке, взятом в единстве всех его свойств и особенностей. По сло-

вам Л. Фейербаха, индивидуальность — это неделимость, единство, целостность, бесконечность; с головы до ног, от первого до последнего атома, насквозь, повсюду я индивидуальное существо. Иными словами, именно такие понятия, как «целостность», «единство», «неделимость», «самобытность», «авторство», «укоренённость в мире», «собственный способ жизни» и др. входят в сущностное определение человеческой индивидуальности.

Б.Г. Ананьев полагал, что индивидуальность можно раскрыть через интеграцию всех свойств человека как индивида, как субъекта деятельности и как личности (как социального субъекта). Аналогичной позиции придерживается и философ И.И. Резвицкий, понимая целостность индивидуальности как взаимосвязь общего, особенного и единичного в человеке. По его словам, индивидуальность включает в себя: общие черты, свойственные индивиду как представителю биологического вида и человеческого общества; особенные признаки, которые присущи ему как члену определённой общественно-экономической формации; единичные признаки, обусловленные специфичностью его биологической организации и социальной среды. Эти черты и свойства, взятые в их внутренней взаимосвязи и целостности, образуют индивидуальность человека, характеризуют его как конкретное существо.

С формальной точки зрения, высказанные положения, может быть, и не вызовут особых возражений, однако пока не выявлен и не утверждён сам принцип интеграции многообразия свойств индивидуальности, задающий самобытную «самость» человека, его способность быть самим собой, выступать самостоятельным существом, все суждения такого рода остаются предельно абстрактными.

Индивидуальность человека состоит в том, что это отдельный, самобытный мир, относительно независимый, суверенный, самостоятельный. Благодаря индивидуальности, человек обособляется, конвергирует в особую «точку бытия», творчески проявляет себя, становится субъектом исторической, гражданской, личной жизни, потенциально воплощая в себе все характеристики рода человеческого, обнаруживая себя как индивидуализированный род (единственный в своём роде).

Индивидуальность — это авторство собственной жизни: в миропонимании, в способах деятельности, в социальном поведении.

В индивидуальном бытии человек несёт ответственность не только за отдельные слова и поступки, но и за жизнь в целом, даже за ту, в которой он фактически не участвовал — за историю. Уникальным, единственным, неповторимым в индивидуальности выступают не внешние особенности индивида, не его облик, не его манеры обращения с другими, а способ жизни, самобытные формы жизнедеятельности, бытия в обществе. Индивидуальность — это человек как распорядитель своих сущностных сил, как автор своей собственной жизни во всей её полноте.

Индивидуальность — это авторство собственной жизни: в миропонимании, в способах деятельности, в социальном поведении.

Индивидуальность есть неповторимое выражение родовой сущности человека.

Как это не покажется парадоксальным, но в психологии используется понятие «тип индивидуальности». Но индивидуальность по определению, по самому существу своему в принципе не типологизируема. Потенциально — сколько людей, столько индивидуальностей. «Тип индивидуальности» поэтому — лишь количественная совокупность своеобразных черт и свойств субъективной реальности, но не её целостный образ, не специфический уровень бытия человека.

Индивидуализация человеком собственной жизненной реальности — с философско-психологической точки зрения — есть высшая форма его самоопределения в мире. Это не столько *включённость* человека в систему личностно значимых отношений с миром, другими людьми, с самим собой, сколько его *выделенность* из этих отношений. Понятие индивидуальности указывает на то, что человек из всего многообразия связей и отношений с миром выделяет своё, собственное; делает его абсолютно ценным содержанием, неотторжимым достоянием своего подлинного Я.

Индивидуализация своего бытия — это встреча с собой, с собой как *Другим*, не совпадающим теперь уже не только с другими, но и с самим собой по основному содержанию былой жизни. Поэтому индивидуальность предполагает тотальную рефлексивность всей своей жизни, трансцендирование её пределов, и в то же время — обращение, инверсию в глубь себя, выработку критического отношения к основному способу своей жизни. Индивидуальность — это всегда внутренний диалог человека с самим собой, это прорыв за границы собственной самости — выход на границы вечного, вселенского, универсального и одновременно вход в уникальную подлинность самого себя.

Сформулируем главное — понятие индивидуальности относится к духовным измерениям человеческой реальности, а не к наличным психологическим её особенностям.

Различение в составе человеческого существа трёх реалей — тела, души, духа — принадлежит религиозной (христианской) антропологии. Именно религиозная точка зрения на «собственно человеческое в человеке» по преимуществу настаивает на необходимости и возможности целостного видения человеческой природы — в единстве его телесной, душевной и духовной форм жизни.

Не так обстоит дело в современной психологии. Долгое время психологическая наука пыталась изучать психическое как таковое, замкнутое в самом себе, как особый объект, имеющий вполне определённое и неизменное строение. В разное время в разных психологических школах при изучении психического делался акцент либо на его качество, либо на функцию, либо на структуру, либо на предметное содержание, либо на всё это вместе взятое. Но всегда психическое рассматривалось всё-таки как таковое, в своих достаточно жёстких границах.

Постепенно область поиска и исследований природы психического всё более расширялась: предметом изучения становились многообразные явления, возникающие, так сказать, на стыках «души» и «тела»; появились и стали интенсивно развиваться новые науки и целые отрасли психологии — психофизика, психофизиология, нейропсихология, психосоматика и др. Произошёл прорыв за пределы замкнутого, феноменального мира психического как такового.

Казалось бы, вполне оправдана экспансия психологии и к другому полюсу человеческой реальности — к формам его духовного бытия. Только в этом объёмлющем интервале (телесное существование — духовное бытие) можно было выявить и саму природу, и жизненный статус психического. Однако и по сей день собственно научная психология (в своей исследовательской, теоретической части) лишь осторожно примеривается к духовной реальности; к той реальности, само существование которой в отечественной психологии из идеологических соображений вообще отрицалось. А если и допускалось, то лишь в виде продуктов культуры, форм искусства, норм общежития. Психология искусства, психология религии были скорее «психологической археологией», которая по вещественным останкам пыталась восстановить духовное творчество коллективных субъектов, но не духовную ипостась конкретного человека.

Надо сказать, что и в западной психологии — при всей её, казалось бы, идеологической раскрепощённости — духовная реальность как реальность человеческая также исключалась из научного рассмотрения, за исключением, может быть, специального анализа ценностных ориентаций индивида в социуме. И хотя существовала традиция относить психологию к наукам о духе, но собственно психологии духовности так и не было построено. Духовность человека, сам его индивидуальный (субъективный) дух шли, можно сказать, по «ведомству» идеалистической философии, религии, художественного творчества и т.п.

Сегодня ситуация постепенно меняется. Психология человека начинает интенсивно осваивать наследие (и мировое, и отечественное) религиозной философии, духовного опыта исповедников веры, подвижников духа; расширять опыт работы с субъективным миром человека, его сознанием, а главное — строить новый взгляд, «стереоскопическое» виденье человеческой реальности в её субъективной проекции. В отечественной психологии работами Б.С. Братуся, В.П. Зинченко, Б.В. Ничипорова, Ф.Е. Василюка и др. предпринимаются попытки заложить основы подлинно *духовной психологии как особой формы рационального знания о становлении субъективного духа человека в пределах его индивидуальной жизни.*

С житейской (светской) точки зрения различие душевной и духовной жизни в их качественном своеобразии отражается уже на уровне языка. Когда мы говорим *душевный человек*, то тем самым указываем на присущие ему качества сердечности, открытости, способности сопереживать другому, способности понимать и учитывать другого в его самоценности. Го-

воря о *духовности человека*, мы имеем в виду, прежде всего, его нравственный строй, способность руководствоваться в своём поведении высшими ценностями общественной жизни, следование идеалам истины, добра и красоты.

В философско-психологической литературе духовное начало человека связывают с *общественным и творчески-созидательным характером его жизнедеятельности, с включённостью человека в мир культуры*. Именно поэтому ограниченным является только узкопсихологический взгляд на человека, где он предстаёт, прежде всего, как отдельность и выделенность из рода, со стороны своих индивидуально-своеобразных свойств и качеств, как внутренняя взаимосвязь множества психологических способностей и механизмов. В действительности же внутренний мир человека имеет многообразные связи и отношения со всем универсумом человеческой культуры; и именно здесь он обретает свой смысл и духовное измерение.

Духовность относится к родовым определениям человеческого способа жизни.

Духовная жизнь человека всегда обращена к другому, к обществу, к роду человеческому. Человек духовен в той мере, в какой он действует согласно высшим нравственным ценностям человеческого сообщества, способен поступать в соответствии с ними. Нравственность есть одно из измерений духовности человека.

Духовность человека проявляется в его потребности и способности познавать мир, самого себя и своё место в мире, в стремлении создавать новые формы общественной жизни в соответствии с познанными законами человеческой природы. Духовные искания человека фиксируются в продуктах его художественно-эстетической деятельности — произведениях литературы, изобразительного искусства, музыки, драматургии.

Духовность относится к родовым определениям человеческого способа жизни. Дух есть то, что связывает отдельного индивида, субъекта психической деятельности, личность человека со всем человеческим родом во всей развертке его культурного и исторического бытия. Духовность придаёт смысл жизни отдельному человеку, в нём человек ищет и находит ответы на вопросы: зачем он живёт? Каково его назначение в жизни? Что есть добро и зло, истина и заблуждение, красивое и безобразное и т.п.?

Духовное встраивается в царство предметного мира как трансцендентное, а тем самым — и как транссубъективное, как историческое взаимодействие и суммирование деятельности бесчисленных исторических субъектов; оно представляет собой в высшей степени сложную совокупность духовных норм и ценностей. С общекультурной точки зрения духовность представляет собой идеальный комплекс норм, которые противостоят субъекту и обществу не как данность, а как заданность и требование.

Однако неправильно было бы мыслить духовность человека, как только содержание высших образцов человеческой культуры (в виде общественно-исторических норм и ценностей). Несомненно, что усвоение этого содержания придаст и придаёт качественное своеобразие и определённую

человеческой субъективности, расширяет её пределы, и, тем не менее — загадка самого индивидуального, неповторимо-уникального духа конкретного человека остаётся. Через предметное содержание даже высших образцов культуры, имеющих общеродовой характер, индивидуальный «дух» не улавливается. У нас появляется уверенность, что он *есть*, но *что* он есть и как он возможен — остаётся неизвестным.

Неправильно было бы понимать духовность также и как новую ступень усложнения индивидуальных психических функций и способностей, «как средоточие всех функций сознания, сконцентрированных в единой индивидуальности», как более высокий уровень развития всех свойств психического, как вершина и предельная утончённость душевности. По остроумному замечанию М. Шелера, с точки зрения интеллекта различие между Эдисоном (как только механиком) и умным шимпанзе необычайно велико, но — лишь в степени. И даже если все субъективные способности человека произвольно возрастут до бесконечности, всё равно это ещё не есть духовность, это всё ещё степень, а не существо различий, не другой способ бытия.

Новый принцип, делающий человека человеком, считает М. Шелер, вообще лежит вне всего того, что и с внутренне-психической, и с внешне-вitalной стороны мы можем назвать жизнью. То, что делает человека человеком, есть *принцип*, противоположный всей наличной жизни; как таковой, он вообще не сводим к «естественной эволюции жизни», а если его к чему-то и можно возвести, то только к высшей основе самих вещей, к той Основе, где и сама жизнь является лишь частной её манифестацией. Этот принцип, который включает в себя и понятие разума, и мышление в идеях, и созерцание, и такие эмоционально-волевые акты, как доброта, любовь, раскаяние, М. Шелер и обозначает словом (понятием, категорией) дух.

Но что же это такое — «дух», этот новый и столь кардинальный принцип бытия человеческой реальности? Редко с каким-либо другим словом обходились так вольно и путанно. Если главными в понятии «дух» сделать особый род знания, особый способ существования, которые может дать только он, то тогда основным определением «духовного существа» оказывается личная независимость человека от всего органического (телесного), свобода от принуждения и давления всего, что относится к «жизни», в том числе и от «душевных структур», её влечений, пристрастий и прельщений. И это есть подлинная внутренняя, духовная свобода, т.е. *свобода именно духа, который «веет, где хочет»*, а не души и не тела.

Замечательный русский философ И.А. Ильин писал: «Тело человека несвободно. Оно находится в пространстве и во времени, среди множества других тел и вещей... Всё это делает тело человека несвободным в движении, смертным..., всегда подчинённым всем законам и причинам вещественной природы.

Несвободна и душа человека. Прежде всего, она связана таинственным образом с телом и обусловлена его здоровой жизнью... Она связана сво-

им внутренним устройством, которого она сама не создаёт и нарушить не может: законами сознания и бессознательного, силою инстинкта и влечений, законами мышления, воображения, чувства и воли... Душа не творит сама этих законов, а подчиняется им и не может изменять их по произволению.

Но духу человека доступна свобода, и ему подобает свобода. Ибо дух есть сила самоопределения к лучшему. Он имеет дар — вывести себя внутренне из любого жизненного содержания, противопоставить его себе, оценить его, избрать его или отвергнуть... Дух есть сила, которая имеет дар усилить себя и преодолеть в себе то, что отвергается; дух имеет силу и власть создавать формы и законы своего бытия, творить себя и способы своей жизни».

Духовное бытие, таким образом, начинается и существует там, где начинается освобождение человека от чужой и, главное, своей *собственной самости*. Свобода есть модальное (фактически инструментальное), а не предметно-содержательное определение духовного бытия человека; она есть сила, энергия порыва в самоопределении к лучшему и высшему. *Дух есть любовь к качеству и воля к совершенству* во всех областях жизни. И потому само духовное бытие определимо и описываемо лишь в его значении для нас и в его действии на нас, но не в том или ином содержании человеческой культуры самой по себе.

Как способ, как образ бытия в целом духовность открывает человеку доступ к любви, совести и чувству долга; к праву, правосознанию и государственности; к искусству и художественной красоте, к очевидности и науке, к молитве и религии. Только она может указать человеку, что есть подлинно главное и ценнейшее в его жизни; дать ему нечто такое, чем стоит жить, за что стоит нести жертвы. Ведь «жить стоит только тем и верить стоит в то, за что стоит бороться и умереть, ибо смерть есть истинный и высший критерий для всех жизненных содержаний». А то, что не стоит смерти, то — с духовной точки зрения — не стоит и жизни. Именно поэтому духовность обнаруживает себя в наивысшей степени и становится способом жизни человека, когда для него открываются его личные отношения с Богом — поистине высшей Основы всего бытия человека и всего сущего.

Итак, человеку даны от Бога и от собственной его природы определённый способ телесного существования, особая форма душевной жизни и интегрирующий человеческую реальность принцип духовного бытия, которые могут быть удержаны одновременно в едином представлении об *индивидуальном духе*. Всякая теория и всякая педагогика, которые с ним не считаются, пытаются игнорировать личную определённость и индивидуальность, самодеятельность и самоценность человеческого существа, вступают на ложный и обречённый путь.

Ложность этого пути обнаруживается в наступающем очень быстро снижении качества жизни как отдельного человека, так и сообщества в целом: снижается уровень внешне-телесного существования (вплоть до ор-

ганических заболеваний), снижается уровень душевной дифференцированности (вплоть до «первобытной» упрощённости душевного строя), падает качество всей жизни (труда, творчества, нравственности). И это верно на всех этапах жизненного пути человека — и в младенчестве, и в старости. Именно с культивированием индивидуального, личного духа связано творение и возрастание качества жизни.

Как уже отмечалось, духовность субъекта, индивидуальный дух представляют собой естественное принятие и следование высшим образцам совокупной человеческой культуры, переживание нравственных норм общежития как внутреннего «категорического императива», принятие высших ценностей родового бытия человека как своих собственных. Можно сказать, что человек духовен в той мере, в какой, говоря словами Гегеля, объективный и абсолютный дух стали его субъективным (индивидуальным) духом.

Индивидуальный дух человека предстаёт в различных обликах, раскрывающих не только различные стороны, но и уровни человеческой реальности. Необходимо говорить о таких обликах субъективного духа, как *личностное* (целостное), *индивидуальное* (единично-уникальное) и *универсальное* (родовое) бытие человека. Они являются и ступенями становления духовного мира человека, мерой освоения и принятия им духовного опыта человечества, мерой его духовности в целом. Их предпосылкой, основой является душевная жизнь человека, его субъективность. Многообразные душевные способности, механизмы душевной жизни выступают функциональными органами становления и способами реализации духовности человека, где и сами эти способности продолжают совершенствоваться и утончаться.

Иными словами, становление человека субъектом собственной жизнедеятельности — освоение норм и способов человеческой деятельности, правил и максим общежития, основных смыслов и ценностей совместной жизни людей — есть предпосылка и *предыстория* становления индивидуального духа человека. Это та основа, площадь опоры, на которой начинается осуществляться конвергенция (сворачивание в точку) всей предшествующей психологической организации человека. И понятно почему.

Душевная жизнь (во всём её богатстве и многообразии) в качестве субъективного непосредственного самобытия (бытия самости) есть целый особый мир и в этом смысле — непосредственно очевидная реальность. Однако в этой своей непосредственности и очевидности душевная жизнь всё же не есть окончательная, в самой себе завершённая, полноценная реальность.

Иллюстрацией здесь могут быть знаменитые переживания подросткового, а впоследствии и юношеского кризисов, которые связаны с обнаружением того, что в собственном «Я» ничего собственного нет, а есть только присвоенное из внешней культуры, что в пределах собственной жизни собственного смысла нет (есть лишь окружающие чуждые смыслы). Гениальный интуитивист Л.Н. Толстой называл этот период жизни человека — «пустыня отрочества».

Кризис идентичности, аутоидентичности и есть симптом безосновности, незавершённости, своеобразной призрачности собственной самости. Этот кризис настоятельно, остро требует выхода (трансцендирования) души за свои собственные пределы, в иное, укореняющее её.

Такой выход — это *вопрос о ценности и смысле*. Понять свою самость в истинном, полном значении этого слова — значит не просто констатировать её фактическое наличие («Я емь такой-то и такой-то») и не просто волевым напором утвердить её в мире людей и вещей («Я-сам!»), а, прежде всего, усмотреть её идеальную, самоценную, очевидно осмысленную необходимость бытия. Трансцендирование к этому смыслу, его откровение нам — это и есть то, что мы переживаем как «дух» или «духовную реальность», без чего, по существу, не может обойтись наше субъективное непосредственное самобытие — наша самость.

Самость (субъективность) человека стоит, таким образом, всегда на пороге между душевным и духовным бытием. Это — место, где духовное (значимое в самом себе бытие) проникает в душу. На этом основана таинственная способность человека — единственный, по словам С.Л. Франка, подлинный признак, отличающий его от животного, — соблюдать дистанцию в отношении самого себя, привлекать свою непосредственную самость на суд высшей инстанции, оценивать и судить её и все её цели».

На этой способности — рефлексии самости — конституируется та реальность, которую можно назвать в точном смысле этого слова *личностью*. Личность, — пишет С.Л. Франк, — есть самость, как она стоит перед лицом высших, духовных, объективно-значимых сил и вместе с тем проникнута ими и их представляет, — начало сверхприродного, сверхестественного бытия, как оно обнаруживается в самом непосредственном самобытии.

Эту высшую инстанцию самости (всё ещё — самости!) — личность — имеет каждый человек и во всяком своём духовном состоянии. На этой ступени духовного развития формулой бытия для самого человека, а главное — для Другого, становится «Я — лично!», ибо личность — это прежде всего персонализированная, самоопределившаяся самость среди других, для других и тем самым — для себя. Именно личность есть то, что составляет подлинное единство нашей душевной жизни, её субстанциональную и вполне определённую форму. Поскольку духовное бытие человека конституирует личность, к его существу принадлежит и *индивидуальность*.

Тайна человека как личности, делающая его потенциально бесконечно богатым и в то же время актуально незавершённым, заключается в той главной (выше отмеченной) способности личности рефлексировать саму себя, возвышаться над собой, быть по ту сторону самой себя, по ту сторону всякого фактического своего состояния, даже своей фактической общей природы. Работа и культивирование этой способности как раз и поднимают, вводят человека на следующую ступень духовного бытия — на ступень индивидуальности.

Человек как индивидуальность раскрывается в самобытном авторском «прочтении» социальных норм жизни, в выработке собственного, сугубо индивидуального (уникального и неповторимого) способа жизни, своего мировоззрения, собственного («необщего выражения») лица, в следовании голосу собственной совести.

Индивидуализация душевной жизни есть кардинальная и глубочайшая инверсия индивидуального духа, пристрастное и неустанное рассекречивание собственной самости, которая зачастую складывалась не на воле, а по неведению самого человека. В свете высших смыслов и высших ценностей (убеждений, верований, жизненных принципов) любой фрагмент своей самости, любая душевная способность проходят испытание на подлинность, истинность и неотторжимость их в составе истинного, внутреннего «Я» человека. В этом — *суть, смысл, ценность и назначение человеческой индивидуальности*.

Индивидуализация бытия человека, трансцендирование внутрь себя, в глубины субъективности, человеческой самости и высвечивание её — есть условие встречи с бесконечностью духовного царства, с бесконечностью Универсума, в котором впервые конституируется подлинное «Я», образуется действительно полное, свободное «бытие-у-самого-себя». Здесь речь уже идёт не о свободе чистой непосредственности (фактически известной и животным), которая на самом деле захватывает и оккупирует нашу самость. И не о свободе самоопределения, которое всегда предполагает борьбу и преодоление в личности (а значит, и несвободу от борьбы). А об истинном, окончательном освобождении, где даже предельная индивидуальность «жертвует» свою уникальную единичность и, тем самым, *становится причастной к бесконечному универсальному бытию*. Именно здесь впервые открывается потенциальная эквивалентность человека Миру, вся полнота человеческой реальности как духовного микрокосма.

Тайна человека как личности и индивидуальности, таким образом, окончательно раскрывается в его *универсальности*. Ибо вселенское и бесконечное с максимальной адекватностью получает своё выражение *в точке* — с её единственностью и абсолютным своеобразием; как и наоборот: лишь то, что может быть признано истинно личным «бытием-для-себя», может воспринять и выразить бесконечное.

Сущность всеединства как духа, пишет С.Л. Франк, как реальности самоценного и самозначимого бытия обретает последнюю определённую лишь в конкретной индивидуальности. Подлинно конкретная всеобщность совпадает с подлинной конкретностью индивидуального, подлинная общая правда совпадает с жизнью.